

Юлия Харченко

Прошу и обещаю

Повесть

Юлия Харченко

Прошу и обещаю. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270801

ISBN 9785449347312

Аннотация

Когда нам плохо, мы просим божьей помощи. Мы можем пообещать что-то взамен. А когда ситуация складывается лучше, чем мы думали, мы забываем о благодарности и об обещаниях. Именно так и случилось в жизни Николая. А расплата не за горами...

Содержание

Вступление	5
Глава 1	7
ГЛАВА 2	16
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Прошу и обещаю

Повесть

Юлия Харченко

© Юлия Харченко, 2018

ISBN 978-5-4493-4731-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Такие слова как «счастье», «удача», «успех», «роскошь» чаще всего ассоциируются с человеком, беззаботно лежащим в середине рабочего дня под зонтом на одном из множества шезлонгов, расположенных посреди большого частного пляжа. Лицо скрыто в тени, а выражения даже не разберешь. Ты думаешь «баловень судьбы», «счастливчик», «повезло». А как насчет «лжи», «предательства», «пустых надежд и обещаний»? Если бы все было честно и справедливо, вряд ли этот человек находился там, где он лежит. Хотите узнать историю этого человека? Тогда, устраивайтесь удобнее, взбейте диванную подушку, положите себе под спину, возьмите большую кружку сладкого чая и слушайте. История не самая короткая, но я постараюсь изложить вам ее, не вдаваясь в подробности.

Итак, наш герой лежит в тени большого полосатого зонта, на одном из своих деревянных шезлонгов, расположенных на частном пляже. В метре от него широко раскинул свои лапы-ветки старый бук, отделяющий берег пляжа от длинного открытого бассейна. Рядом с его шезлонгом сидит и чешет ухо старый белый кот – боевой товарищ, талисман, и самый преданный друг нашего с вами героя. Он уже давно ждет. Сидит и думает, когда же проснется хозяин? И проснется ли он вообще? Кот был свидетелем всего, что произошло со мной,

и мог бы с легкостью подтвердить каждое сказанное слово.

Глава 1

История началась с того самого дня, когда меня сократили. Я работал в бухгалтерии журнала «Курортный роман», входящего в один крупный медиа-холдинг. Все случилось как раз в то время, когда произошел кризис, экономика страны рухнула, начались массовые сокращения. Самый большой кошмар заключался в том, что кредиты были очень распространены, а из-за падения местной валюты в несколько раз люди теряли то, во что вкладывали долгие годы все свои сбережения, в результате чего остались у разбитого корыта. Некоторые в тот период лишились квартир, машин, даже элементарной бытовой техники. Приезжие из маленьких городов вернулись к себе домой, а жители больших городов пытались покинуть страну.

Моя ситуация была самой плачевной и грустной, в особенности для меня, как для бухгалтера-экономиста – просто мне некуда было возвращаться. Мои родители погибли много лет назад, и деньги, вырученные от продажи их небольшой квартиры в пригороде, ушли на частичное погашение кредита за мою киевскую квартиру. Я даже не мог бы себе представить когда-то, что такое может произойти именно со мной. Я был самым преданным работником, живущим только своей работой, человеком практически без личной жизни, без домашних забот, с планами и мечтами, которые были нераз-

рывно связаны с работой. Конечно, у меня были амбиции, но все они касались повышения по службе и самых лучших рекомендаций моего руководства. Все было в порядке, мне так казалось, но вдруг все пропало, рухнуло, было уничтожено в одно мгновение.

– Пожалуйста, не увольняйте, – вырвался у меня дрожащий писк. – Мне так нужна эта работа.

– Коль, послушай, давай без истерик. У нас два бухгалтера. Мы должны кого-то уволить. Но не можем Елену, ты знаешь, она беременна, мы не имеем права. Мы сами не хотели бы так поступать, поскольку во время декрета мы будем без бухгалтера. Но мы не можем позволить себе держать двоих. Понимаешь? А ты талантливый. Умный. Ты без труда найдешь работу. Мы тебя даже порекомендуем нашим партнерам.

– На мне висит квартирный кредит, у меня заберут квартиру. Я останусь без ничего.

– Подпиши эту бумагу, и мы постараемся выплатить тебе зарплату за два месяца, – сказала генеральный директор, хлопая меня по плечу.

И я подписал собственный приговор. Это было заявление, что ухожу по собственному желанию, взамен я получил обещание помощи в трудоустройстве. Зарплату выплатили, но данные мне обещания быстро забылись, поскольку за закрытой дверью все быстро забывается. В течение месяца я безуспешно пытался дозвониться на мобильный номер

моего бывшего директора, а так же найти достойную работу, и договориться с банком относительно отсрочки выплаты кредита. Месяц закончился, потом прошел и второй, кредитная пеня вот-вот начинала капать, на моем депозите оставалось двести долларов. В почтовом ящике я нашел предупреждение из банка и кучу неоплаченных счетов.

Я вдруг понял, что стал жалким неудачником и что самый большой успех в моей жизни обернулся для меня поражением. Вероятно, моя решительность и верность работодателю сыграли против меня. Мои главные достижения в жизни: самостоятельный переезд в столицу, поступление и окончание университета после потери родных, трудоустройство на достаточно интересные и прибыльные работы, последней из которых я посвятил шесть лет своей жизни, сейчас казались призрачными. Сейчас я приходил к выводу, что все мои решения были неверными, раз так произошло. К тому же, я всегда чувствовал себя неуверенно в отношениях с женщинами – они сами бросали меня через время из-за моей робости в личных отношениях. Я не боялся рисковать, но боялся ответственности. И тогда я пришел к выводу, что не стою ни ломаного гроша. Моя жизнь в ту минуту держалась на волоске и, в случае самого незначительного порыва ветра, этот волосок мог оборваться. Я пошел на серьезные риски, и вот, из-за моих действий, пусть ситуация была форс-мажором я терял все. Ведь я должен был предвидеть! Значит, решительность в серьезных вопросах, была отрицательной чер-

той, значит...

Если бы все обстоятельства изначально были другими...

Всего лишь пару месяцев назад, по крайней мере, в одном я был основательно уверен: на том месте, где я проработал шесть лет, я мог быть уверен в завтрашнем дне и мог рассчитывать, что кредит будет выплачен. Но так не суждено было случиться.

Отчаяние. Боль потери. Гибель. Крушение надежд. Все это исказило мое лицо. И вот, впервые через десяток лет после гибели родителей, я почувствовал, как по моей щеке пробежала горькая слеза. Слезы затуманили мой разум, и все о чем я мог тогда думать – о безысходности. Я не видел другого выхода при потере всего, что у меня было, кроме побега. От себя, от банка, долгов, счетов, всего что меня окружало, всей своей жизни... Может и правда, закончить все это раз и навсегда, слететь с обрыва в реку на высокой скорости вместе единственным другом и самым родным существом, белым котенком, подаренным сотрудниками на день рождения. Хотя, надежда на то, что все еще изменится в последнее мгновение, все еще слабо теплилась в моей душе. Я очень надеялся, что все это лишь нехороший сон. Моя дряхлая, ничего не стоящая машина и мой кот – вот все то, что осталось от моей жизни. Итак, погрузившись на водительское сидение, я отправился туда, куда глядели мои глаза.

Я уже выехал за город, и неистово давил на упругую педаль газа, когда моя ветхая машина зашипела, и прибор

указателя температуры зашкалил. Место, где это случилось, показалось мне знаковым. Вечерело, и садящееся красное солнце осветило обтекаемый лучами, как ореолом, силуэт маленькой полуразрушенной церквушки, куда я и направил свои замерзшие конечности.

Внутри никого не оказалось. Я опустился на колени перед деревянным алтарем и начал молиться. Покорно приклонив голову, впервые в жизни стал просить прощения за все, что когда-либо сделал плохого, кому сказал что-то не то, какие важные обещания когда-то не сдержал. Уныние и безвыходность данного положения повисли на мне тяжким грузом, и давили на меня в попытке сломить. Сквозь слезы вспомнил свое детство, школу, первую любовь, которую оставил много лет назад, чтобы отправиться покорять столицу.

– Господи, помоги! – воскликнул я. – Наверно, я беспомощный человечиска, который в попытке уйти от нищеты вновь к ней возвращается. Я просто не знаю, что делать дальше. Я всегда мечтал стать богатым, выделиться из толпы, мне хотелось получить власть, деньги, влияние, но я не смог. Я даже работу потерял. Наверно, я жалкий неудачник. А как быть другим? Может быть дело в том, что я слишком самонадеян, и неправильно все делаю. Дай мне ума и мудрости, Господи! Позволь научиться правильно вести себя с людьми, работодателями, да и женщинами, в конце концов, с которыми у меня ничего не получается. Господи, прошу, объясни, как изменить себя? Моя рискованность должна преобра-

зоваться в какое-то полезное качество, может, в мудрость, а может... Может, дело в том, что я родился не в той семье, не в той стране, или не в то время. Сейчас я прошу тебя, Боже, помоги мне справиться с моей неудачей, позволь мне стать сильным и пережить этот сложный этап. Позволь изменить себя в лучшую сторону, научиться зарабатывать большие деньги, стать счастливым и благодарным. Позволь обстоятельствам сформироваться вокруг меня таким образом, чтобы жизнь перестала быть безвыходной. Я прошу тебя, повлияй на события, позволь рассчитаться с этим кредитом. Было бы неплохо организовать бизнес. В общем, помоги мне найти выход из беды. Если я смогу заработать большие деньги, я не буду ими сорить, обещаю, я их приумножу, я смогу. Помоги мне выкрутиться из сложившегося положения, в котором я сейчас нахожусь. Прошу Тебя. Я готов... Я брошу курить. Я обещаю. Наверно, это не та жертва, которую принято предлагать тебе в данном случае. Я готов принести другую... Этого, наверно мало... Я клянусь, что через десять лет, если я стану богачом, я верну деньги, все до копейки, пожертвую их. Если хочешь, я вложу их, ну, например, в реконструкцию и строительство новых церквей, — я говорил, а голос мой дрожал, слезы катились вниз к ненавистной ямочке на подбородке. — Я прошу Тебя, Господи. Я обещаю Тебе. Помоги найти сейчас выход из моего положения. Ты ведь знаешь, как дорога для меня моя квартира, я вложил в нее все, что у меня было. У меня ничего не осталось, и даже

нет никого, к кому я мог бы обратиться за помощью. В квартиру было вложено все, что осталось после смерти родителей.

Я пробыл в церкви еще несколько минут и направился к выходу. Было уже совсем темно, начал покрапывать прохладный дождь, но, все-таки кот смог куда-то улизнуть, поэтому пришлось безотлагательно заняться его поисками. Нашел я его достаточно скоро. Кот сидел недалеко, в мусорном баке, выуживал кости, застрявшие между страницами какой-то потрепанной книги. В глаза бросилось название раздела «Как правильно инвестировать деньги», жирным было выделено определение терминов Индекс Доу Джонса и прочее, а название гласило «Миллионером можно стать быстро». Это определенно было знаком. Думать было глупо – я просто захватил ее с собой, и позже, когда мы оказались в машине, пролистал ее. Вывод из прочитанного был таковым: для того, чтобы вкладывать, и инвестировать средства в бизнес, необходимо для начала их иметь, и желательно немалые, или, по крайней мере, иметь стабильную работу, чтобы быть в состоянии их подкопить. У меня не было ни того, ни другого, и моя жизнь близилась к своему концу с каждой минутой именно поэтому. Глупая шутка забывшего про людей Бога? Я закрыл глаза и стиснул зубы. Что же делать? Желудок пуст и урчит, не переставая, в кармане денег на бензин, чтобы доехать домой, а возвращаться совсем не хочется ни с пустыми карманами, ни с пустым желудком. Да и вот, пожалуйста, нет

у меня больше родного дома, и не к кому собственно возвращаться. Ничто в этой унылой жизни не держит меня, кроме маленького голодного белого котенка и старой ржавой колымаги, которая уже почти не пригодна для езды.

– Ну что, Киса, погрыз свои косточки? Тогда на сегодня с тебя еды хватит, давай где-то недалеко припаркуемся и переночуем прямо в машине, уже поздно, и я как-то устал. Если по дороге встретим магазинчик, то можно будет перед сном булочки съесть или пирожки какие-нибудь.

Через несколько километров среди темных сельских домиков показался освещенный участок, который при дальнейшем рассмотрении оказался маленьким магазином. Он уже закрывался, и хозяин попросил поторопиться с выбором. Особо и выбирать не пришлось: в магазине оставалась зачерствевшая четвертушка хлеба и печенье, хозяин приготовил чай и дал бутылку воды:

– Далеко путь держите? – поинтересовался грузный мужчина.

Я замялся, не зная, рассказать правду или соврать. Но через несколько минут в голову пришла идея, куда на самом деле можно направиться и где бы я хотел оказаться, будь у меня достаточно бензина.

– На море бы взглянуть, – ответил я, представляя волны, ударяющиеся о камни на берегу, шипящие, и возвращающиеся к своим истокам сквозь щели между огромными точеными камнями.

Мужчина улыбнулся, одобрительно покачав головой.

Через несколько минут я устроился на заднем сидении автомобиля, а кот на переднем пассажирском. Усталый и замученный бесконечными мыслями о безысходности своей ситуации, я быстро погрузился в глубокий сон.

ГЛАВА 2

Мне снилась огромная вилла, точнее, дело обстояло по-другому: мне приснилось, что я проснулся в большой спальной комнате, расположенной на шикарной трехэтажной вилле. В куполообразной большой комнате, с зашторенными дорогими гардинами окнами, я был один. Я лежал на роскошной и просторной кровати с мягким балдахином. Когда я поднялся, мои стопы утонули в изумительном, несомненно, бесценном, судя по уникальности узора и мягкости ворсин ковре, покрывающем дубовый пол. В комнате был идеальный порядок, на небольшом резном столике, из того же материала, что и остальная мебель, стояла ваза со свежими цветами, фотография меня совсем юного с какой-то женщиной в платке. Дверь на террасу была скрыта под теми же тяжелыми темными гардинами. К комнате примыкала роскошная ванная комната, исследовав которую пришел к выводу, что вся расположенная в ней сантехника сделана из горного хрусталя. Я вышел на большую террасу, обрамленную глиняными горшками с цветущими экзотическими деревьями, откуда открывался романтический вид на морской берег, но большая часть ее располагалась в экзотическом саду-оазисе. В это самое мгновение раздался голос муллы, и я, удивившись реакции, опустился на колени. Я сделал это неосознанно, не придавая значения, как будто я занимался этим

пять раз в день каждый день. Когда я поднялся, то увидел чуть левее красивую искусно собранную из изящных деталей мечеть, окруженную продолжением цветущего сада. Напротив мечети виднелась небольшая тончайшей работы беседка, посередине которой находился высокий, переливающийся разными цветами фонтан. Все было украшено узорами из дерева.

Когда я вернулся в комнату, беременная женщина внесла поднос, на котором лежали лепешки из серой муки, омлет с овощами, коричневая густая смесь, кофе с молоком, и круглые золотистые котлетки. Следом за женщиной влетели четверо детей. Когда они стали кричать друг на друга и драться, я велел им замолчать. Они сию же минуту успокоились и вышли из комнаты в сопровождении женщины. Следом в комнату, покачивая бедра, вошла очень красивая ухоженная женщина с фигурой кинодивы с тонкими восточными чертами лица, распущенными, черными, как смоль, густыми волосами, безупречным макияжем. Ее гордый взгляд излучал уверенность и решимость, бросал вызов, хотелось сжать ее в объятьях и пуститься с ней во все тяжкие. Она стала напротив большого зеркала в выгодном для нее ракурсе, и, посмотрев в него, собрала губы в поцелуй. Ее речь полилась спокойно, как журчащий ручеек, на неродном мне, но отчего-то понятном языке:

– Как ты спал, мой дорогой? Ты едешь сейчас в офис? Подвезешь меня до салона?

Значит, где-то есть офис, где я работаю. Как же узнать куда ехать?

– Я попрошу шофера, чтобы через полчаса машина была готова, да, дорогой?

– Да, – ответил я.

Она подошла и чмокнула меня в щеку. Мое сердце бешено заколотилось – одного прикосновения этой женщины хватало, чтобы возбудиться. Затем красавица так же, покачивая бедрами, медленно удалилась.

Когда я, наконец, приступил к пище, в комнату постучали. Стук повторился и, когда дверь отворилась, в комнату вошла простая по сравнению с предыдущей, но приятной наружности молодая девушка, с большими грустными карими глазами и длинными темными волосами, собранными в конский хвост. Она плюхнулась ко мне на кровать, и чмокнула меня в ухо, так громко, что я на минуту потерял слух.

– Ахмед, – наконец-то я услышал свое имя. – Я хочу все узнать о семейном деле, возьми меня сегодня тоже с собой в офис, пожалуйста. Я тебе докажу, что я все помню и уже могу сама начинать работать, если Аллах позволит. Честно. Прошу тебя, и не злись на меня за мои приземленные желания. Я очень хочу быть умной и чтобы ты мной гордился.

Когда она подскочила, я, наконец, смог рассмотреть ее. Она была совсем низенького роста, достаточно симпатичной молодой женщиной, однако один глаз смотрел постоянно куда-то в одну точку и я понял, то она им не видит. Женщи-

на обхватила мою шею маленькими, как у ребенка, ручками так, что я не знал, как отреагировать на это проявление нежности и радости. Я почему-то хмурился, хотя в глубине души меня это и радовало. Я не мог разобраться, почему проявить свои истинные чувства я не мог, ведь я являлся представителем другой расы, где любая женщина могла быть более успешной и независимой от своего мужчины.

Мое настоящее «Я» согласилось, и я произнес:

– Хорошо, я возьму тебя, если это так тебе интересно.

Она чмокнула меня, ее грустные глаза просияли, как у ребенка, получившего сладость. Она напомнила мне моего игривого кота, доброго, ласкового и преданного, смотрящего на меня с обожанием.

– Последние годы жизни мой отец тоже работал на нефтяной скважине. Он приходил домой вечером уставший, и когда мы с мамой садились около него, он нам рассказывал о своей работе: что делал, кого видел. Он повторял рабочие фразы и диалоги как профессиональный актер, разными голосами. Я не помню, что именно он говорил... – ее голос стал дрожать и срываться. – Впрочем, это неважно.

– Почему, важно, – мне хотелось, чтобы девушка выговорилась, но она посмотрела на меня удивленно.

– Ты, правда, хочешь это услышать? Я самая счастливая женщина, а ты один такой мужчина, знаешь? После того, что ты сделал для меня: ты спас меня от голодной смерти, когда взял меня в жены, и ты всегда ко мне хорошо относился, за-

ставляя жен принять меня, как сестру, поэтому я навсегда благодарна тебе! Я самая счастливая женщина, Ахмед. Ты хороший мусульманин. Спасибо Богу, который дал нам возможность встретиться, о любимый!

Невероятно, эта женщина назвала меня лучшим мужчиной, а я знаком с ней только не больше получаса. Хотя, я понимал, что эти слова не относились ко мне, и она, действительно, счастливая женщина, потому что встретила мужчину, с которым у нее никогда не будет материальных проблем.

– Ахмед! – обернулась она, на выходе. – Я знаю, что ты женился на мне только во имя любви к Богу, и священному Корану, который говорит, что надо заботиться о сиротах и инвалидах, но скажи, ты что-то когда-либо чувствовал ко мне? Ты когда-либо хоть капельку любил меня?

Я не знал, что сказать, вся история вводила меня в состоянии шока, я мысленно переваривал всю информацию, но какая-то другая моя часть, мое «я», овладевшее моим телом в то мгновение было гордо за себя. Наверно, тот человек, истинный хозяин этого дома, не испытывал к этой девушке никаких чувств, но настоящее «Я» уже любило ее.

– Не знаю, что было до этого, не помню, как складывалась моя жизнь раньше, но разве неважно то, что я чувствую к тебе сейчас? Я привязался к тебе, – ответил я, после чего девушка улыбнулась и хлопнула дверью.

Глава 3

Через час я, шофер и две женщины, сидели в черной представительной машине с затемненными стеклами. Каждая из них была по-своему прекрасна. Из манеры разговора я понял, что Айя, жена Ахмеда с внешностью кинозвезды, направляющаяся в салон, относится к Ануар, сироте, как к нищей приспособленке, просящей милостыню, при этом саму себя таковой не считает. Ануар была для нее только сиротой и инвалидом, а не женщиной, частично занимающей место в жизни мужа и в каком-то смысле соперницей.

– Дорогая, почему бы тебе как-нибудь не пойти со мной в салон? Там приведут в порядок твои волосы, и попытаются что-то сделать с твоим лицом. Женщина должна следить за собой.

– Нет, спасибо, – сказала Ануар, опуская глаза. – Не сейчас, как-нибудь в следующий раз, но спасибо.

– Как хочешь, дело твое. Спасибо, дорогой, я пошла! Вернись домой на такси, не переживай за меня! – сказала она, захлопывая за собой дверь, когда машина остановилась.

Машина свернула на перпендикулярно лежащую улицу, и понеслась, обгоняя переходящих дорогу пешеходов. Я задумался, как так случилось, что я не встречал в своей жизни настолько добрых, чистых и любящих, как Ануар, и что, если бы не попал в шкуру этого мусульманина, то, возможно,

не встретил бы никогда. Но возможно это только первое впечатление, а оно иногда бывает обманчивым. С другой стороны физически меня тянуло к той, другой, обладающей сексуальностью и необузданностью дикой лошади. Такую ценную кобылу не будут портить седлом из-за ее красоты и свободолюбия. Она явно стоила дорого, и была настоящему мне не по зубам. Но сейчас, будучи в другой шкуре я мог бы рассчитывать на ее компанию, думал я.

Автомобиль доставил нас к высокому зданию, где последние три этажа и оказались моим офисом. Без помощи Ануар, которая своими стараниями старалась показать своему мужу, что она помнит каждое его слово о компании, я бы явно не справился. В «моем» кабинете стоял огромный шкаф с документацией. Меня очень удивило, что сам хозяин хранил у себя оригиналы контрактов и бухгалтерских документов. Это сразу говорило о нем, как о личности, которая никому не доверяет и держит все под своим четким контролем. В документации я разобрался легко, и, просмотрев несколько книг, на которых был пропечатан текущий год, пришел к выводу, что бизнес был хорошо организован, прибылен, а сами документы понятно и грамотно оформлены. Каждый документ был аккуратным, в одном изысканном стиле на дорогой бумаге, с логотипом компании с одной стороны и фамильным гербом с другой. Телефон разрывался от звонков, но супруга, приняв мое молчание за недомогание, попросила секретаря не соединять ни с кем.

– Ты не хочешь поехать на буровую установку? Или может, ты хочешь заехать в банк, как обычно? Не понимаю, почему ты не можешь довериться своему финансисту и юристу, в крайнем случае, нанять управляющего со стороны, это не работа хозяина. Хозяин должен получать прибыль и развивать компанию, возможно, открывать станции, которые занимаются продажей. А у тебя просто нет на это времени, ведь ты ведешь всю документацию сам. Контролируешь все. Хочешь, я буду помогать тебе? Хотя, какой из меня помощник, у меня нет даже образования.

Девушка, безусловно, обладала определенными способностями, даже скорее, знания относительно работы компании. Возможно, много читала. Но меня несколько удивило, что супруг, очевидно, знающий про ее потенциал оставил это без внимания и не поручил ей, по крайней мере, небольшую должность ассистента в компании. С другой стороны меня удивил сам хозяин, человек, роль которого я исполнял. Он был не только хозяин, но и директор, руководитель в одном лице. При этом он сам перепроверял работу подчиненных, и вел всю текущую документацию. Интересный человек.

– О чем ты думаешь?

– О моем отце, – почему-то сказал я. – Лучше поехали в банк.

Мы спустились вниз. Девушка молчала все время до выхода на улицу.

– Ты никогда раньше не решался заговорить о нем. Ты

знаешь, все боялись начать этот разговор. Что ты помнишь о нем?

– Мало, – выкрутился я.

– Твоя мама говорила, что если бы не ты, компании бы не было. Она была разорена, и... ну ты сам знаешь...

– Что? – заинтересованно я взглянул на Ануар.

– Ну, твой отец. Он слишком доверял людям, из-за этого все и произошло. Ладно, давай не будем об этом, – девушка с подозрением взглянула на меня. Мне показалось, что она подозревает меня во лжи. Это было удивительным. Ведь никто из домочадцев кроме нее даже и не мог предположить, что я не тот, за кого себя выдаю. – Ты сегодня разрешаешь мне слишком много, я не могу понять, что с тобой. Извини, дорогой, но ты странно себя ведешь.

Значит вот он я какой, ну да, нужно было и раньше сообщить, что я не доверял людям из-за чего-то, что произошло с отцом. Теперь карты потихоньку складывались. Ладно, подозревать пусть подозревают, все равно объяснений моему странному поведению просто не существует. Сегодня мне придется во всем довериться своей жене и быть очень осторожным. Но, что же произошло с его отцом? Надо было каким-то образом узнать.

По приезду в банк, к нам подбежали служащие, сопровождавшие нас к отдельной переговорной комнате. Я опустился на один из больших стульев с высокой спинкой, а Ануар на красивый кожаный диван с резными ножками, стояв-

ший при входе. На столе передо мной уже стоял приготовленный дымящийся турецкий кофе с молоком, стеклянная бутылка с водой и два стакана, наверно предпочтение Ахмеда, которого уважали и боялись все, кто с ним пересекался. Ануар извинившись, вышла поправить свой хиджаб, а молодой мужчина протянул мне конверты, в которых находились напечатанные на листах А4 поступления, состояния счетов и расходы.

– Вам нужна какая-то еще информация, мистер Ахмед Хассан? Возможно, вы хотели бы перечислить сумму или снять наличные?

У меня возникла идея. Но чтобы ее реализовать, я ждал, когда моя жена, вероятно бывшая в курсе моих финансовых вложений и перечислений, вернется. Наконец она вошла, скромно опустив глаза.

Я притворился, что неважно себя чувствую и оставил Ануар разбираться с перечислениями. Это ее сделало еще счастливее. Сам я решил ознакомиться со зданием. Когда я разобрался с местонахождением кассы, подойдя к окошку, я тихонько прошептал:

– Я бы хотел перечислить некую сумму с моего счета на счет в другой стране, понимаете...

– Мы все понимаем, сэр, не стоит переживать, все сделаем максимально незаметно для всех – завуалируем перечисление под ваши остальные проплаты. Ни ваши жены, ни даже сами вы об этом не узнаете, – улыбнулся мне молодой чело-

век.

Это мне нравилось.

– Какая возможная суточная сумма такого тайного завуалированного электронного перевода? – спросил я, давая ему свой номер счета.

– Две тысячи долларов, сэр.

– Спасибо, – сказал я, подписывая бумаги и протягивая несколько стодолларовых бумажек в окошко. Парень движением фокусника выхватил их.

Я вовремя отошел от кассы. Ануар торопливо, ища меня взглядом, выходила из кабинета для переговоров.

– Привет, как ты себя чувствуешь?

– Сейчас немного лучше, спасибо.

– Наверно, тебе лучше сегодня не ехать на завод?

– Даже не знаю.

– Может к доктору?

Я решил рискнуть:

– Я давно не отдыхал, просто устал, наверно. Я хочу сделать себе небольшой отпуск.

Я воспринял ее замешательство, как удивление.

– Послушай, мне кажется, лучше обратиться к врачу. У тебя очень странное настроение, извини, что я так говорю. Может, это и правда усталость. Ты, сколько я тебя знаю, никогда не отдыхал. Может, я позвоню твоей маме, чтобы она приехала? Уверена, что она найдет, как объяснить все своему мужу и уже сегодня будет здесь.

– Не нужно, – забеспокоился я. Мать всегда узнает родного сына и определит неладное. Лучшим выходом для меня было воздержаться от семейных конфликтов, и постараться сделать свое пребывание незаметным. – Я пару дней просто отдохну.

– Хорошо, дорогой.

Глава 4

Мы приехали домой. Только тогда, над дверью особняка, я разглядел выплавленный из золота фамильный герб с деревянной каймой, копия которого красовалась на всех документах. Это был оскал льва в полумесяце. Я решил узнать больше о себе, как о человеке, для начала по интерьеру дома и его комнат. Сначала я спустился со второго этажа по лестнице в гостиную, где находился центральный вход в дом, я проходил эту комнату несколько раз, но детально рассмотреть все не было времени. Дверь в гостиную с улицы находилась на небольшом подъеме и со стороны гостиной была окружена по бокам двумя большими колоннами, делящими комнату на две половины. Левая часть комнаты была меньше, чем правая. На полу лежал персиковый пушистый ковер, на стенах висели картины с видами старинного восточного города с проулками и мечетями, и пробегающими по брусчатой дороге осликами в повозках. Все было изображено в желто-коричневых тонах. Каждую картину освещали песочные резные светильники. В углу, непосредственно за колонной, находился белый большой диван с песочно-персиковыми подушками и журнальный столик из настоящей слоновой кости. Справа за колоннами на белом пушистом ковре стоял коричневый диван с белыми подушками. На коричневом дубовом журнальном столике ручной работы в стиле машра-

бейя лежала стопка гляцевых журналов. Две части комнаты были объединены огромной плазменной панелью. Под лестницей на второй этаж была арка, соединяющая гостиную с остальной частью дома. Следующей по ходу была огромная столовая, обитая деревом. Посреди нее стоял резной стол невероятных размеров. Углы комнаты были заставлены глиняными горшками причудливых форм с оранжевыми цветами, похожими на петушки. На стенах висели написанные золотыми арабскими буквами цитаты из Корана на черном фоне в позолоченных рамках. Напротив столовой находилась другая столовая. Она была поменьше и попроще. Сначала я решил, что это обедня прислуги, но позже вечером я увидел обедающих в ней моих жен, и понял, что мужчины по обычаю кушают в разных с женщинами комнатах. Обе столовые имели выходы в ванные комнаты. Чуть дальше, за столовой, я обнаружил большой тренажерный зал с зеркальной стеной с одной стороны, стеклянной с другой, и закрытыми дверями на террасу с третьей. Там я нашел свою самую красивую жену, Айю, в спортивном костюме, упражняющуюся на велосипеде.

– Привет, дорогой. Вы уже вернулись? Тебе не кажется, что сейчас ты проводишь время с Ануар больше, чем со мной. Посидишь со мной немножко? Как твой день?

– Хорошо, я немножко устал.

– Наконец ты начал проявлять свои слабости. Конечно, устал, милый, ты постоянно работаешь, тебе надо отдохнуть.

Может мы могли бы уединиться с тобой на пару дней где-нибудь на райском острове?

Я не знал, было ли бы это нормальным по отношению к другим женам, поэтому, отделавшись фразой «посмотрим, дорогая!», я пошел прилечь в свою комнату.

Когда наступил вечер и в темном небе проявился худой лик белой луны, я перешел к осмотру дальних комнат на первом этаже. В первой был большой крытый бассейн. Вторая была детской игровой комнатой, я понял это по большой площадке для детей с разнообразными игрушками, и милому детскому домику со своей маленькой кухонькой. Выйдя из детской игровой, я подошел к последней, совсем маленькой комнатке. Та была закрыта на ключ. Пошарив в кармане халата, я нашел маленький ключик, и с помощью него открыл дверь. Это был рабочий кабинет, которым уже давно не пользовались. Диван был накрыт покрывалом, все остальное было доступно взгляду, зашедшего в комнату гостя.

Когда я хотел подняться наверх, чтобы исследовать верхние комнаты, неведомая сила потянула меня в мечеть. Там я снова упал на колени и коснулся лбом пола. Когда я выходил оттуда, я заметил небесно-голубую линию воды Персидского залива. Я прошел через чудесный экзотический сад, окружающий мечеть. Он был усыпан не только разноцветными цветами, но и плодами. Отдаляясь от него, я приближался к лазурной водной глади, покрывающей белый песок. Я не мог понять, почему спальня хозяина не имеет прямого вы-

хода к морю, находясь в непосредственной близости от него. Оно было чарующим и манило со страшной силой. Я обошел уходящую в море ограду и подходил все ближе и ближе к воде. Та отсвечивала серебряным блеском луну, которая пробивалась через могучие тяжелые тучи. Она переливалась на свету, создавая своим сиянием всевозможные геометрические фигуры. Я почувствовал соленый морской запах, увидел бьющиеся в небе крылья белых птиц. Пройдя дальше, я обнаружил каменную гору, кусочек пустыни, который хозяин земли решил сохранить в первозданном состоянии, ограждавший его территорию от другого мира. пляж был одиноким и на удивление пустым, не было ни лежака на берегу, ни кресла, ни следов ног. Как-то было одиноко, казалось, что этим дивным видением уже давно никто не наслаждается.

В мыслях пронеслась смутная догадка. Я взглянул на сторону дома, выходящую окнами на берег. В окнах не было света. Казалось, как будто задвинутые ставни, и пробивающиеся сквозь что угодно лучи света созданы не для этой части дома. Похоже, здесь никто не обитал. И только сейчас я вспомнил про закрытые ставни в тренажерном зале и большой столовой. Почему? Чем было море для этого человека? Какую злую шутку это изумительной красоты место сыграло с ним, в его жизни?

И тогда я увидел темную фигуру, приближающуюся ко мне. Это была Ануар. Она медленно и как-то неуверенно

шла, как будто боялась. И ведь правда боялась. Когда девушка приблизилась ко мне, я увидел выражение испуга и страха на ее лице, даже в ее темных глазах, из которых нормально видел лишь один. Я вспомнил, что где-то уже читал про отношение к женщине в исламе. Покорная, скрывающая свою наготу до запястья и кончиков пальцев на ногах, с открытым миру овалом лица, она отдавала себя всю одному хозяину и ожидала любой его воли. Мужчина по Корану может бить ее в некоторых случаях, и имеет возможность и право изменять и заводить еще тройку жен. Возможно, настоящий мистер Ахмед Хассан, сейчас бы ударил ее за то, что она выходит к морю одна в столь поздний час. Но мне показалось, что на самом деле она боится не этого. Я чувствовал, что за всем этим нетронутым пляжем, зашторенными и темными окнами, испугом храброй, умной и милой девушки, способной управлять огромной компанией, спрятана тайна. Что-то случилось здесь, на этом пляже.

– Ты опять вспомнил отца... Как он утонул... – расставила она точки над «и». Моя догадка подтвердилась.

– Да.

– Не знаю, хотел бы ты, чтобы я сейчас была с тобой здесь, но вот она я. И если ты захочешь поговорить о чем-то, что тревожит тебя, я готова выслушать тебя. Поверь мне, тебе станет легче. Поговори со мной.

– Сейчас холодный ветер, – ответил я. – Идем домой.

– Это плохо, что ты держишь все в себе. Прошло больше

двадцати лет. Я знаю, как ты любил его, и он любил тебя, но на то воля Аллаха. И сам твой отец выбрал этот путь. Я готова вытерпеть, если ты решишь ударить меня, но я скажу, что думаю. Ахмед, ты сильнее его и не раз доказал это. Ты спас его компанию и главное детище в его жизни. Без тебя она бы погибла. Точнее нет. Она погибла, ушла вместе с ним, утонула, когда и он утонул. Но на ее месте ты воздвиг свою империю, империю Ахмеда Хассана Самира Мохаммеда Саида. Ты должен гордиться этим! – она взяла мои ладони в свои, поцеловала их, и наклонила голову, готовую принять удар. Я коснулся губами ее темечка и обнял ее. Ануар не поднимала головы, пока мы не вошли в дом. Потом она махнула головой и удалилась в свои покои. Я поднялся в комнату хозяина дома. Буквально через пару минут в нее вбежали дети, и заглянула старшая жена.

– Они не беспокоят тебя?

– Нет-нет, заходи, – пригласил я ее.

– Ты будешь ужинать внизу или попросить, чтобы принесли сюда? Я сегодня приготовила макароны бешамель, как ты любишь, и печень по-александрійски.

– Наверно, я поем тут. Спасибо.

– Один или с Хассаном? Он скучает по тебе, жалуется, что папа не уделяет ему внимание, как раньше.

В это мгновение один из детей покраснел и выбежал из комнаты.

– Ты не должна была при нем этого говорить, – произ-

вольно выронил я.

– Ты прав, но с самого утра я не могу поймать тебя. А ребенок чувствует, что с тобой что-то не то. Позвонить твоей матери? – похоже, каждая из женщин считала мать Ахмеда универсальным лекарством, от всех проблем.

– Нет, не беспокойся, просто я устал немножко и неважно себя чувствую.

– Я вызову врача.

Второе спасительное средство – пронеслось у меня в голове.

– Не нужно. Я просто устал и мне надо побыть самому. Пусть мальчик покушает со мной, если хочет.

Она окинула меня странным взглядом и вышла из комнаты. Наверно этот малыш действительно особенный, если он назван в честь любимого отца. Первый в арабской семье – старший и самый дорогой ребенок, наследник.

В комнату через пару минут вошел, опустив голову и нахмурившись, мальчик. Мне он показался избалованным мальчишкой с сердитым выражением лица, однако заметив мою улыбку, принял ее за одобрение, или проявление отцовских чувств, и бросился ко мне. Я обхватил его руками, он прижался к моей груди:

– Ты утром не пришел поцеловать меня, и не зашел, когда вернулся, спросить о моих занятиях.

– Прости, Хассан, хабиби, я сегодня не в себе.

– Ты не зайдешь вечером пожелать спокойной ночи?

– Обязательно, Хассан!

– Отец, твой запах... он какой-то иной. Как прошел твой день? Ты заключил сделку?

Вот кто был доверенным лицом Ахмеда, его маленький сын. Он воспитывает его, чтобы изначально поставить его во главе компании.

– Ты мне обещал сегодня рассказать как стать богатым и успешным.

– У меня как-то вылетело из головы. В первую очередь ты должен окончить школу, и поступить в университет.

– Нет, ты говорил, что главная книга жизни – Коран. Школа не главное, главное всегда молиться и просить, и Бог даст, если будешь праведным мусульманином.

– Ну да, ты все сам знаешь.

– Сегодня ты мне обещал показать, кто такой персонал и как им не стать, как быть хозяином, но при этом оставаться мусульманином.

– Мне кажется ты еще не готов к этому.

– Отец, ты сам говорил, что я уже готов, ты забыл? Ты устал, наверно. Ты считаешь мне Коран на ночь?

– Я постараюсь.

– Ты все еще любишь меня? Я твой любимый сын или ты передумал?

Я посмотрел на этого маленького растерянного человечка. И вдруг разглядел в нем меня. В прямом смысле настоящего меня. Если бы кожа и волосы были чуть светлее, он был бы

тем же мальчишкой, который глядел на меня с моих детских фотографий. Надо не забыть и посмотреть на фотографии Ахмеда, посетила меня идея. Огромный портрет, висевший посреди комнаты, с изображенным на нем человеком в длинной белой рубашке – галабейе, который не был ни в чем схож со мной, возможно, был портретом не Ахмеда, а прежнего хозяина дома – его отца. А в зеркале, висевшем в ванной, я видел самого себя, но каким видели меня другие обитатели этого дома, я не знал, ведь это был только сон. Но было бы любопытно узнать человека, с которым я имел практически одинаковое лицо, форму носа, разрез и расположение глаз, даже худощавость и ямочку на подбородке. Я вспомнил о невольно возникающих не свойственных мне действиях, движениях, привычках хозяина дома, как какие-то инстинкты, вырывающиеся из глубин моего сознания и охватывающие меня. Я свободно владел арабским языком, даже местным диалектом, непроизвольно падал на колени во время намаза, под завывание имама, читал в голос молитвы, идеи и некоторые предположения срывались иногда с моих уст. Все это говорило, что часть моей души или тела принадлежали не мне, или попросту я в не своей оболочке, возможно, этот человек – я, а не мой двойник. Может быть, им был бы я, если бы моя пра-пра-прабабушка вышла бы замуж за другого человека. Меня осенила еще одна мысль: по логике вещей, если для меня как родной разговорный арабский язык, я смогу и прочитать Коран ребенку на ночь, как он просит.

Я вспомнил, что когда вошел в столовую, где висели картины с позолоченными буквами, я понял, что это строки – суры из Корана. Я спустился в столовую. Одного взгляда было достаточно, чтобы разобрать написанную фразу, гласившую: «Аллах – лучший хранитель и милостивейший из милостивых», и на следующих: «Аллах красив и любит Он красоту», и «Слава Аллаху».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.